

ДѢЛО ИСУСА ХРИСТА

(Изъ Лютардта)

ослѣдній разъ мы говорили о лицѣ Иисуса Христа; шнее чтеніе будетъ посвящено дѣлу Его.

гобы яснѣе раскрыть дѣло Иисуса Христа, мы должны ать три земныя служенія Его: учительское, первосвя- еское и царское. Мы называемъ Его учителемъ, пер- енникомъ и царемъ, по участію Его въ общемъ при- указанномъ Богомъ человѣку и представленномъ въ азѣ израильскомъ.

аше призваніе троякое: признавать мысли и дѣла Бо- рочески,—посвящать жизнь свою Богу священнически,— ѣ міромъ царски. И троякъ прообразъ Израиля въ редникахъ между Богомъ и людьми: въ его пророкахъ, ященникахъ и царяхъ. Но грѣхъ преобразилъ въ ни- го призваніе наше, а исторія Израиля осталась только изаніемъ.

ъ, къ чему мы назначены были, нашло свое высокое твление въ Иисусѣ Христѣ; въ Немъ же предсказанія я нашли свое окончательное исполненіе. Онъ былъ емъ, первосвященникомъ, царемъ;—тремя этими назва- мы обозначаемъ Его дѣло.

егодня я буду говорить о пророческомъ и первосвя- ескомъ служеніи Его.

Исусъ Христосъ тридцать лѣтъ жилъ въ тиши и скрывалъ въ душѣ своей тайну лица своего, пока пришло время Его призванія.

Для дѣла Его предназначались только не многіе годы, но значеніе какого нибудь дѣла не измѣряется числомъ лѣтъ. Одинъ мигъ можетъ быть откровеніемъ вѣчности. Три года служенія Исуса Христа спасли міръ.

Исусъ Христосъ долженъ былъ быть предвозвѣщенъ народу, и народъ долженъ былъ приготовиться къ пришествію Его. То и другое было задачею Іоанна Крестителя: ввести Исуса Христа къ Его народу и приготовить народъ къ принятію Его. Крещеніе Іоанна было символомъ приготовленія. Исусъ Христосъ также пришелъ къ этому крещенію. Онъ также подчинился той волѣ Божіей, которая выразилась въ крещеніи Іоанна Крестителя и относилась къ тогдашнему народу израильскому. Но для Него оно имѣло совершенно иное значеніе, чѣмъ для другихъ; такъ какъ Онъ по лицу и призванію своему былъ совершенно иной чѣмъ другіе. То, что для другихъ было приготовленіемъ къ принятію царства благодати, то для Исуса Христа было приготовленіемъ къ открытію этого самаго царства благодати, потому что крещеніе Его Іоанномъ не только показываетъ готовность Исуса Христа предаться своему призванію и принять на Себя страданія, которыя, какъ Онъ хорошо зналъ, были неразлучны съ призваніемъ, но оно въ тоже время и вдохновляетъ Его Духомъ Божіимъ къ этому призванію. Но предъ началомъ служенія своего Онъ долженъ былъ подвергнуться искушенію, которое представляло плотскимъ мыслямъ существовавшимъ въ Его народѣ превратное изображеніе Его призванія. Спаситель, отвергнувъ искушеніе идти къ цѣли призванія своего не путемъ страданій, но путемъ почестей и наслажденій, далъ окончательное направленіе судьбѣ своей.

ствѣ Божіемъ, но это есть царство благодати. Нѣтъ ничего трогательнѣе подобнаго призыва: *прїидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*. Что насъ особенно трогаетъ въ семъ призывѣ—это тонъ благодати, выходящій изъ сердца Божія и проникающій наше сердце. Вѣнецъ Его притчей, если можно такъ выразиться, есть знаменитая притча о блудномъ сынѣ, и вся она—не что иное, какъ могущественная проповѣдь благодати. Нѣтъ ничего удивительнѣе того прославленія блаженства, которымъ начинается Его нагорная проповѣдь, а между тѣмъ то, что такъ дивно въ ней взываетъ къ намъ,—есть голосъ благодати. Слово Іисуса Христа есть проповѣдь о благодати.

Но въ словахъ этой ищущей и спасающей благодати говорить духъ святости, строжайшей, неумолимой святости, потому что это состоитъ въ связи съ существомъ Божіимъ. Богъ есть любовь, но любовь святая. Если Іисусъ Христосъ откровеніе Божіе, то Онъ настолько же откровеніе божественной святости, насколько и откровеніе вѣчной любви;—то и другое соединяется въ Немъ; Онъ ничего не принимаетъ въ соображеніе и не уклоняется отъ строгости своихъ требованій (напр. Лук. 14, 26, 33); Онъ не смотритъ ни на лицо, ни на послѣдствія. Кто бы тутъ ни былъ,—слово Его одинаково звучитъ для всякаго. И хотя бы это была Его мать и Его братья,—Онъ требуетъ одного повиновенія слову своему (Марк. 3, 31), и первѣйшаго изъ апостоловъ своихъ Онъ называетъ тѣми же словами, какъ и врага своего (Матѣ. 16, 23). И когда большая часть Его послѣдователей оставляетъ Его, какъ это было за годъ до Его смерти (Іоан. 6, 66),—Онъ не смягчаетъ ни однимъ словомъ кажущуюся жестокость рѣчи своей. Если бы, по видимому, все дѣло Его погибало, если бы даже это стоило Ему жизни, требованія Его останутся неумолимы, и Онъ не сдѣлаетъ ни

малѣйшей уступки слабости воли и плотскимъ помысламъ народа. Мы могли бы сказать, что подѣ-часъ рѣчь Его безпощадна, если бы сквозь видимую жесткость ея формы не проглядывала глубокая скорбь души, знающей, что слово Его будетъ отвергнуто, и все же сохраняющей строгость его. Это удивительное соединеніе любви и строгости, такъ сильно трогающее насъ въ Его словахъ, есть дѣйствіе духа святости, которая проникаетъ Его слово и которою преисполнены всѣ Его дѣйствія.

Святость эта и была причиною Его страданій. Этотъ міръ не былъ бы міромъ грѣха, если бы появленіе и слово Христово до глубины души не возбудило людей, и не пробудило уснувшей въ груди всей человѣческой ненависти къ истинѣ. Напрасно думаютъ, что истина всегда найдетъ одобреніе, что она когда нибудь подѣйствуетъ на массу людей въ этомъ грѣшномъ мірѣ; хотя есть сочувствіе къ истинѣ въ душѣ человѣческой, но въ тоже время въ ней заключается и противорѣчіе ей, и это послѣднее сильнѣе перваго. Правда, что Спаситель встрѣтилъ любовь, любовь вѣрную Ему до гроба, но еще больше Онъ встрѣтилъ ненависти. Отъ перваго до послѣдняго дня возрастало то и другое,—любовь и ненависть. Но ненависть была могущественнѣе и, по крайней мѣрѣ наружно, торжествовала. Я не знаю, что могло больше смирить родъ человѣческій, какъ не тотъ фактъ, что такая любовь, какая намъ открылась въ Іисусѣ Христѣ, возбудила такую ненависть, какая досталась на долю Ему, и что эта небесная чистота должна была служить знакомъ къ тому, чтобы всѣ страсти соединились. При видѣ этого факта мы должны смириться въ мысляхъ своихъ и стараться возбуждать все необходимое для того, чтобы человѣчество, способное на такой фактъ, обратить къ Богу. Съ фанатизмомъ іудея здѣсь соединилась безсовѣстность язычника. То, что

произошло съ Иисусомъ Христомъ, есть высочайшая степень испытаній, когда либо виданныхъ. Свидѣтели истины сдѣлались всѣ мучениками за нее. Свидѣтельство истины привело и Иисуса Христа къ смерти, и Пророкъ сдѣлался мученикомъ своего призванія.

Но смерть Его болѣе чѣмъ мученичество, Онъ сдѣлался жертвой за грѣхъ человѣчества.

Не достаточно было провозглашать благодать, ее нужно было и приобрѣсть для насъ. Путь къ благодати Божіей есть путь жертвы.

Грѣхъ стоитъ между нами и Богомъ. Грѣхъ устраняется, и путь очищается только посредствомъ очистительной жертвы.

Во всѣхъ религіяхъ есть жертвы. Въ нихъ вездѣ высказывается потребность примиренія и сознаніе того, что путь къ примиренію—очищеніе, а средство очищенія—жертва. Это основная мысль всѣхъ религій и средоточіе всѣхъ богослуженій. Какъ бы мы ни судили объ этомъ, по крайней мѣрѣ должны признать фактъ, общность котораго заставляетъ насъ пораздумать надъ нимъ. Сколько бы ни прилѣплялось къ нему заблужденій, все же идея истины должна быть основаніемъ этого религіознаго обычая. Одно вѣрно—что во всѣ времена люди смотрѣли на примиреніе съ Богомъ, какъ на главную составную часть религіи. Если христіанство должно быть религіей абсолютной, то оно должно быть религіей примиренія. Христіанство должно быть исполненіемъ того, чего другія религіи искали. Дохристіанскія религіи суть предсказанія христіанства, а жертвы ихъ—предсказанія жертвы Иисуса Христа. Мы тогда только поймемъ значеніе жертвы, когда станемъ на вершину Голгофы. И отсюда, съ этой точки зрѣнія жертвы внушаютъ намъ слѣдующее. Для очищенія жизни, проведенной во грѣхѣ, должна пожертвовать собою

Это было вступленіемъ Его въ свое призваніе.

Евангелія изображаютъ намъ въ разнообразныхъ картинахъ Его жизни Его пророческое призваніе. Силою Его дѣла было Его слово. Изъ всѣхъ земныхъ силъ духовныя силы самыя величайшія. Дѣйствіе ихъ часто, по видимому, помрачается могуществомъ физическихъ средствъ; но, какъ бы ни были блестящи результаты внѣшней силы, они рано или поздно подвергаются неумолимому закону измѣненія, и часто остается едва замѣтный слѣдъ отъ того, что иногда изумляло полъ-міра; между тѣмъ какъ въ нравственномъ поступкѣ присутствуетъ духъ вѣчности. Міръ земной распадается въ прахъ, но міръ духовный воздвигаетъ себѣ вѣчное царство: ему принадлежитъ побѣда. Истинное же духовное царство есть царство Божіе и душа его—религія. Іисусъ Христосъ пришелъ, чтобы основать вѣчное царство вѣры могуществомъ своего слова.

Какая же это вѣра, которую Онъ проповѣдывалъ? Онъ не проповѣдывалъ только вѣру свободныхъ умовъ, какъ это представляютъ себѣ во Франціи, или преобразилъ іудейство въ греческую гуманность, какъ это представляютъ философскія школы въ Германіи, или хотѣлъ только представить людямъ идеалъ человѣчества, какъ это понимаютъ нѣкоторые богословы: Онъ проповѣдывалъ благодать Господню. Всѣ другія объясненія забываютъ одно, и самое главное: они не принимаютъ въ соображеніе грѣха, а грѣхъ человѣка требуетъ благодати,—въ ней именно мы и нуждаемся. Если Іисусъ Христосъ былъ пророкъ человѣчества, то Онъ проповѣдывалъ благодать. А кто знаетъ Его слова, какъ ихъ сохранили евангелія, и не знаетъ того, что Онъ былъ проповѣдникомъ божественной благодати? Это духъ, парящій надъ всѣми словами Его и составляющій тайну могущества, которое они производятъ на людей;—хотя Онъ говоритъ о цар-

невинная жизнь. И мы знаемъ, что это сдѣлалось истиной во Иисусѣ Христѣ. Онъ исправилъ то, въ чемъ мы прегрѣшили. Онъ сдѣлался жертвою за нашъ грѣхъ. Это средоточіе всего христіанства.

Но была ли эта жертва необходима?

Необходимость ея—въ Богѣ самомъ, потому что Богъ есть вмѣстѣ святость и любовь. Какъ Богъ святости, Онъ ненавидитъ грѣхъ и выражаетъ гнѣвъ противъ грѣшника; какъ Богъ любви, Онъ желаетъ его спасенія. Какъ Богъ святости, Онъ не хочетъ знать грѣшника; какъ Богъ любви, Онъ желаетъ видѣть его блаженнымъ. Какъ Богъ святости, Онъ судья его; какъ Богъ любви, Онъ хочетъ быть его спасителемъ. Какимъ человѣкъ представляется въ дѣйствительности, тѣмъ Онъ не доволенъ; а какимъ Онъ желалъ видѣть его вѣчно во Христѣ, такимъ Онъ любитъ его. То и другое противоположно въ Богѣ, того и другого требуетъ Его право. Но любовь окончательно торжествуетъ надъ гнѣвомъ, потому что она вѣчна въ Богѣ, но только путемъ святости, т. е. путемъ очистительной жертвы.

Часто дѣлаютъ подобное возраженіе: развѣ Богъ не можетъ и такъ простить? Для чего Ему очистительная жертва? На это мы отвѣтимъ: развѣ Богъ можетъ отвергнуть самого Себя? Развѣ Онъ можетъ перестать быть врагомъ грѣха и судьей его? И еслибъ Онъ пересталъ Самъ быть таковымъ, то совѣсть наша не перестала бы этого требовать. Въ совѣсти нашей живетъ законъ справедливости, безъ котораго она перестала бы быть совѣстью. Вотъ это-то и требуетъ примиренія. Мы бы сомнѣвались въ достоинствѣ нашего нравственнаго сознанія, если бы грѣхъ могъ такъ легко прощаться. Это была бы ложная любовь отца къ сыну своему, которая не замѣчала бы прегрѣшенія его, такъ какъ будто бы ничего не случилось. Мы разрушали бы нравственное сознаніе дѣтей

нашихъ, если бы у насъ всегда было наготовѣ прощеніе для нихъ. Погрѣшность должна быть заглажена.

Но какимъ же это образомъ? Не послѣдующимъ за этимъ исправленіемъ, потому что быть добрымъ и поступать хорошо—и безъ того долгъ нашъ; этимъ не уничтожается предъидущее прегрѣшеніе, и прежде чѣмъ благоразумное дитя можетъ представить въ повиновеніи приношеніе любви своей, оно должно быть увѣрено въ прощеніи. Тогда только спадаетъ гнетъ съ души его и совѣсть освобождается. Но прежде чѣмъ обрѣсти прощеніе, оно должно перенести всю тяжесть грѣха своего во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Путь къ прощенію полонъ страданія. Я долженъ испытать, что значитъ грѣхъ, я долженъ почувствовать его со всѣми его послѣдствіями, и горько почувствовать; тогда только на мольбу мою о прощеніи можетъ отвѣчать всепрощающая благодать.

Но истиннаго очищенія грѣшникъ самъ не можетъ представить, потому что онъ всегда останется грѣшникомъ предъ Богомъ. Онъ долженъ былъ бы перестать быть грѣшникомъ для того, чтобы истинно искупить грѣхъ; истинное очищеніе можетъ только представить невинный, поставившій себя на мѣсто виновнаго. Христосъ сдѣлался очистительной жертвой за насъ, потому что Онъ въ то же время заступалъ наше мѣсто.

И это общая идея въ нравственномъ сознаніи человѣчества, что за виновнаго долженъ заступаться невинный. Уже и въ язычествѣ мы встрѣчаемъ предчувствія этой истины. Величайшіе трагики Греціи, доведши нравственные коллизіи до высочайшей степени, разрѣшали ихъ идеей заступничества: Эсхиль въ сагѣ о Прометей, Софокль въ сагѣ объ Эдемѣ. То, что было тамъ неяснымъ предчувствіемъ, сдѣлалось истинной и дѣйствительностью во Иисусѣ Христѣ. Христосъ сдѣлался заступнической жертвой за грѣхъ нашъ.

Но может ли быть заступничество здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о нравственной винѣ и наказаніи? Можетъ ли одинъ замѣнить мѣсто другаго и загладить его вину? Возможно ли тутъ заступничество?

Чрезъ всѣ ступени жизни человѣческой проходитъ идея или скорѣе фактъ заступничества. Мужчина глава семьи: онъ думаетъ, онъ заботится, онъ работаетъ для всего дома (семейства) или, по крайней мѣрѣ, долженъ это дѣлать; ему близко благоденствіе и несчастье, желанія и потребности всѣхъ и cadaго отдѣльнаго лица, и не только наружно, но и въ глубинѣ души своей онъ сочувствуетъ этому, по крайней мѣрѣ долженъ это дѣлать. И точно также, какъ въ немъ одномъ соединяется все его семейство, такъ его дѣйствія и поступки переходятъ на всѣхъ остальныхъ членовъ семьи; въ его положеніи, въ его чести и безчестіи принимаютъ всѣ участіе. Что случается съ нимъ,—постигаетъ всѣхъ; если онъ дѣлаетъ зло,—всѣ страдаютъ; нравственное благородство его души всѣхъ облагораживаетъ. Всѣ они соединяются въ немъ; онъ самъ—все семейство. То, что мы говоримъ о мужчинѣ, можно не менѣе того сказать и о женщинѣ, о матери. Мать то и дѣлаетъ матерью, что она счастье и несчастье, горе и радость семьи своей носить въ груди своей, какъ свое собственное, ей лично принадлежащее. Это внутреннее усвоеніе, это душевное сочувствіе, это особенное воспріятіе всего въ сердцѣ своемъ дѣлаетъ ее душою семейства, въ которой разнообразныя движенія семьи находятъ совокупляющееся и успокоивающее убѣжище, и отъ которой исходитъ лучъ благодатнаго спокойствія, озаряющій всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. То, что мы говоримъ о семьѣ, можно отнести ко всякому обществу. Всякое общество требуетъ совокупности, въ которой бы оно нашло свое единство, главу, который служилъ бы ему представителемъ, являлся бы ему заступникомъ. И

заступничество это, тамъ гдѣ оно проявляется надлежащимъ образомъ, есть не только естественное, но и нравственное отношеніе. Онъ дѣлается заступникомъ этого общества, потому что внутренно, отъ глубины души воспринимаетъ это дѣло какъ свое собственное. Онъ воплощаетъ идею общества, онъ представляетъ ея задачу, онъ носитъ цѣлое общество въ душѣ своей, онъ живетъ жизнью всего общества, и все общество живетъ имъ. Законъ этотъ распространяется даже до отдѣльнаго лица. Никто не служить другъ другу, никто не помогаетъ другъ другу истинно, если не поставитъ себя на мѣсто другаго и не восприметъ въ себя его потребности. Мы можемъ сказать, что всякая любовь имѣетъ нѣчто заступническое, потому что она внутренно усваиваетъ себѣ то, что принадлежитъ другому. Есть заступническіе поступки, есть заступническое страданіе любви за другихъ, въ которомъ любовь въ нѣкоторомъ смыслѣ наружно и внутренно воспринимаетъ на себя то, что принадлежитъ другимъ, и такимъ образомъ заступаетъ ихъ мѣсто.

Аристотель сказалъ, что всѣ благородные люди чувствуютъ склонность къ страданію. Ихъ обременяетъ не только чувство тяжести ихъ призванія, но есть нѣчто другое,—это внутреннее сочувствіе къ страданіямъ человѣчества, которому они служатъ какъ бы себѣ самимъ. Только эгоизмъ освобождаетъ себя внутренно отъ другаго и говоритъ: что мнѣ до этого за дѣло? Любовь же связываетъ себя внутренно съ другимъ, и усваиваетъ себѣ то, что принадлежитъ другому. А чѣмъ любовь божественнѣе, тѣмъ болѣе она дѣлаетъ это. Чѣмъ человѣкъ благороднѣе, чѣмъ болѣе въ немъ живетъ духъ любви, происходящій отъ Господа, тѣмъ болѣе онъ воспринимаетъ въ душѣ своей страданія человѣчества, внутренно носить его въ себѣ и сочувствуетъ ему. Мы можемъ сказать, что во всѣхъ великихъ людяхъ есть нѣчто заступническое;

потому что истинное величіе заключается въ любви, а любовь дѣлаетъ своимъ то, что принадлежитъ другому. Если пророки Божіи ветхаго завѣта жалуются и обнаруживаютъ гнѣвъ за грѣхъ народа своего, если мы видимъ изъ словъ ихъ, какъ страданія за народъ свой проникаютъ ихъ душу; то это потому только, что они знаютъ и чувствуютъ, что составляютъ одно съ своимъ народомъ и на грѣхъ и вину его смотрятъ не какъ на нѣчто постороннее, но какъ на свою собственную вину. Вездѣ любовь заключаетъ этотъ союзъ внутренней общности, который и невиннаго ставитъ въ ряды виновныхъ, потому что онъ принадлежитъ къ нимъ, потому что онъ желаетъ имъ принадлежать.

Въ Иисусѣ Христѣ проявилась совершеннѣйшая, абсолютная любовь и для всѣхъ. Онъ принадлежитъ не только своему народу, но и всему человѣчеству. Съ нимъ Онъ внутренне соединяется. Оно совокупляется въ Немъ, потому что Онъ его цѣль, глава, представитель. Онъ—сынъ человѣческій, а потому Онъ соединяетъ въ своемъ великомъ, широкомъ, богатомъ сердцѣ все горе человѣчества, все страданіе его, тяжесть его грѣха, его вины. Уже съ самаго начала, какъ только развилось Его сознаніе, Онъ зналъ, что въ Немъ соединяются всѣ нити человѣчества и его исторіи, что Онъ заканчиваетъ старое время и начинаетъ новое, что Онъ—сынъ человѣческій. И чѣмъ Онъ зналъ Себя, тѣмъ и хотѣлъ быть Самъ, хотѣлъ этого всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ. Онъ былъ тождественъ съ человѣчествомъ. Онъ могъ сказать: человѣчество,—это Я. Въ Немъ должна была совершиться его исторія.

Но всякій прогрессъ въ исторіи сопровождается страданіемъ, всякій шагъ впередъ на пути его требуетъ жертвъ, потому что новое не можетъ войти въ права свои, пока не заплатится старая вина. Такъ какъ путь нашъ есть путь

грѣха и вины, то потому онъ и путь страданій и жертвъ. Какъ всякій фактъ влечетъ за собою послѣдствія, такъ и грѣхъ и вина человѣчества имѣютъ свою послѣдовательность. Послѣдовательность эта должна совершиться, а прежде этого нельзя превозмочь стараго и начать новаго. Это требованіе божественной справедливости и нашей совѣсти. Если Иисусъ Христосъ представляетъ совокупность человѣчества, поворотъ его исторіи, путь его прогресса, то и всѣ послѣдствія нашего грѣха и вины должны соединиться и совершиться въ Немъ наружно и внутренно. Онъ долженъ былъ принять на Себя всю тяжесть вины и ея послѣдствія, носить и искупать ее, и ощущеніе ея воспринимать въ глубинѣ души своей. Только такимъ образомъ Онъ могъ совершить наше спасеніе, потому что это путь нравственной необходимости. Спасеніе наше должно совершиться по праву и справедливости, а не по произволу, потому что произволъ не нравственъ. Хотя насъ спасла любовь, но любовь Бога святости, которая въ себѣ самой носить законъ нравственной необходимости; а эта нравственная необходимость требуетъ очищенія путемъ страданія, которое носить на себѣ всѣ послѣдствія грѣха и искупаетъ его. А потому Христосъ сдѣлался заступнической жертвой за грѣхъ нашъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться примирителемъ и искупителемъ. Богъ *не вѣдѣвшіаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21), т. е. грѣхъ нашъ, который не былъ Его собственнымъ, Богъ приписалъ Ему и посѣтилъ Его имъ для того, чтобы Его справедливость, которая не наша, могла быть приписана намъ. Онъ несъ послѣдствія нашего грѣха.

Послѣдствія же грѣха состоятъ въ гнѣвѣ Божіемъ. Богъ не былъ бы святой любовію, если бы Онъ не поражалъ гнѣвомъ грѣха, потому что Богъ любитъ только то, что Ему соотвѣтствуетъ; Онъ любитъ въ насъ только свой образъ;

Онъ любить насъ такими, какими желаетъ насъ. Онъ не любилъ бы насъ такъ, какъ бы Онъ хотѣлъ этого, еслибъ былъ равнодушенъ къ искаженію Его образа въ насъ. Грѣхъ же есть искаженіе въ насъ Его образа; онъ противорѣчіе Богу, отрицаніе Его. Богъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ Онъ есть, еслибъ Онъ не отрицалъ грѣха, который Его отрицаетъ. Таковъ гнѣвъ Божій. Въ немъ выражается не страсть, не горячность, подобная людской, но противодѣйствіе Его святости противорѣчію грѣха. Грѣхъ есть обратная сторона Его любви. Никто истинно не любитъ святости и не преуспѣваетъ въ ней, если не презираетъ и не оспариваетъ грѣха, по крайней мѣрѣ въ себѣ самомъ, и не выражаетъ гнѣва на самого себя какъ на грѣшника: Богъ же есть истинно, святой. Онъ не былъ бы такимъ, если бы былъ этой ложной нѣжностью, которая не въ состояніи выразить гнѣва. Таково послѣдствіе грѣха, который находитъ отголосокъ въ нашемъ собственномъ сознаніи. Иисусъ Христосъ подчинилъ Себя этому послѣдствію грѣха человѣчества.

Онъ носилъ его въ Себѣ отъ самаго начала, отъ воплощенія своего, въ теченіи всей своей жизни, до потрясающаго факта кончины своей.

Уже то, что Онъ вступилъ въ эту жизнь страданій и золь, было послѣдствіемъ грѣха нашего и Его призваніемъ; потому что это было призваніе страданія, которое Онъ принялъ на Себя; начиная отъ самаго искушенія, противъ котораго Онъ долженъ былъ защищаться, подвергаясь всевозможнымъ несправедливымъ сужденіямъ и недоброжелательствамъ, которыя вырывали изъ груди Его вздохи жалобы, и до Его послѣднихъ минутъ, въ которыя страданія за страданіями обрушивались на Его голову, во всемъ этомъ Онъ несъ наше бремя—послѣдствіе грѣха. Но въ послѣднія минуты Его соединилось все то, что приготовлялось въ теченіи всей Его жизни.

Что же могу я сказать о послѣднихъ минутахъ Его! Никакая рѣчь не въ состояніи выразить хотя бы только приблизительно всю тяжесть этого факта. Позвольте мнѣ указать только немногими словами на значеніе этихъ фактовъ.

Это было ночью, когда Спаситель оставилъ городъ, чтобы направиться къ Геесиманіи. Здѣсь началось Его послѣднее страданіе и душевная борьба. Еще не задолго передъ тѣмъ Онъ сравнилъ Себя съ винограднымъ деревомъ, которое силою своею поддерживало на себѣ учениковъ своихъ, примкнувшихъ къ Нему своею вѣрою и любовью, подобно вѣтвямъ винограда. И теперь Онъ Самъ въ нихъ ищетъ утѣшенія и помощи, по крайней мѣрѣ утѣшенія въ ихъ обществѣ, и видитъ Себя оставленнымъ ими. Это былъ первый и единственный разъ, что Онъ искалъ облегченія въ людяхъ. Обыкновенно Онъ звалъ людей къ Себѣ, чтобы облегчать ихъ скорби и изъ полноты Его, говоритъ апостоль, всѣ мы черпали милосердіе за милосердіе. Теперь же Онъ ищетъ утѣшенія въ людяхъ, но всѣ они оставляютъ Его. Онъ одинъ, и внутренно одинъ; нѣтъ никого, кто бы раздѣлилъ Его скорбь, нѣтъ никого, кто бы понялъ Его и то состояніе, которое Онъ испытываетъ, кто бы могъ хоть тѣнь Его постигнуть. Это страданіе быть покинутымъ, страданіе одиночества въ этомъ богатомъ, широкомъ мірѣ соединялось съ внутреннимъ страхомъ, охватившимъ всю душу Его. Всѣ мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ не любилъ разглагольствованій. Мы имѣемъ обыкновеніе для выраженія чувствъ своихъ употреблять слова, часто далеко превосходящія наше истинное ощущеніе. Мы знаемъ это, и сообразно съ тѣмъ составляемъ свое сужденіе о томъ, что слышимъ. Этому не слѣдовало бы такъ быть, но въ сущности оно такъ. У Іисуса же Христа, всѣ мы знаемъ, совсѣмъ не то. Онъ—истина въ малѣйшемъ словѣ своемъ. Когда Онъ говоритъ ученикамъ своимъ: *прискорбна есть*

душа моя до смерти,—Онъ этими словами выражаетъ, что сердце Его разрывается отъ боли и страха. Каковъ же дѣйствительно долженъ быть потокъ горести и страха, разразившійся надъ Нимъ!

Что же заставило Его внутренно такъ содрогаться? Это былъ путь страданій и смерти, который Ему предстоялъ. Но удивительно, почему многіе принимали смерть безъ всякаго страха, и почему Онъ ее боялся? Я не говорю о тѣхъ, которые убили въ себѣ это ощущеніе, и душа которыхъ отупѣла къ истинѣ факта. Бываетъ равнодушіе къ смерти, но въ немъ мы обманываемъ сами себя; потому что кто хочетъ быть справедливымъ, тотъ долженъ сознаться, что смерть есть царь всѣхъ ужасовъ, и кто этого не признаетъ, тотъ или мертвъ въ своихъ ощущеніяхъ, или обманываетъ самого себя. О такихъ людяхъ я не говорю. Но сколько мучениковъ приняли смерть и благословляли Бога за нее! А Иисусъ Христосъ проливалъ слезы и возносилъ вопль къ Тому, Кто спасетъ Его отъ смерти, какъ говоритъ посланіе къ евреямъ (5, 7). Но Онъ былъ больше чѣмъ мученикъ. Какъ ни ужасна смерть для насъ, все же она составляетъ нѣчто естественное. Мы носимъ ее въ себѣ съ самаго начала и заслуживаемъ ее. Въ Иисусѣ же Христѣ она была абсолютнымъ противорѣчіемъ Ему, потому что Онъ самъ жизнь, Онъ царь жизни. Нельзя себѣ представить ничего болѣе противорѣчащаго, какъ то, что сама жизнь предаетъ себя смерти, хотя посредствомъ ея очищается путь къ жизни. Онъ находился въ непрерывномъ общеніи съ Отцомъ Своимъ. Ничего не могло быть болѣе противорѣчащаго, какъ то, что Онъ, святой, находящійся въ вѣчной и непрерывной общности съ Отцомъ Своимъ, долженъ предоставить Себя мрачному боговраждебному могуществу—смерти и царю ея, для того конечно, чтобы этимъ путемъ возстановить для насъ общность съ Богомъ, но все же этимъ

путемъ разлуки съ Богомъ. То былъ разрывъ во всемъ внутреннемъ существѣ Іисуса Христа. Вотъ это-то и заставило Его такъ содрогаться внутри души своей.

Тутъ совершилось больше чѣмъ смерть. Онъ предвидѣлъ и предчувствовалъ, какъ въ томъ, что Ему причинили, соединялся весь грѣхъ и вся злоба человѣчества. Здѣсь высказалъ себя весь мракъ нашего сердца, вся пропасть мрачныхъ страстей души нашей. Старая борьба между добромъ и зломъ, проходящая всѣ ступени исторіи человѣчества, соединяется здѣсь со всею силою и ужасающею жестокостью. Если мы хотимъ изучить человѣка, то должны сюда заглянуть. Здѣсь только мы можемъ видѣть, на что мы способны. Мы бы напрасно покушались исключить себя изъ общей массы. Іисусъ Христосъ есть наша любовь, а не ненависть—и это только потому, что Онъ перенесъ Самъ нашу ненависть. То, что мы внутренне иначе къ Нему относимся, совершилось только впослѣдствіи и совершилось черезъ Него. То же, что мы видимъ въ исторіи страданія Іисуса Христа, есть изображеніе души нашей такою, какова она сама по себѣ. Израиль и міръ язычества подали другъ другу руку, первосвященникъ и римскій намѣстникъ, народъ религіи и народъ мірскаго господства,—мы можемъ сказать, что церковь и государство соединились въ общей ненависти къ Святому Божию. Вотъ это-то такъ и потрясло Іисуса Христа въ глубинѣ души Его, что въ той судьбѣ, которая Его встрѣтила, выступила вся сила и все величіе грѣха,—что человѣчество, которое Онъ любилъ такъ, какъ никогда не любилъ человѣкъ, могло отвѣтить такою ненавистью на такую любовь,—что злу предоставлена такая сильная власть надъ людьми.

И тутъ не одно только это было,—надъ всѣмъ преобладала воля Отца Его; она-то и предала Его этой богопротивной власти, которая во всемъ этомъ заставила Его пере-

носить наказаніе за грѣхъ нашъ; она заставила Его страдать не только посредствомъ грѣха, но и за грѣхъ челоуѣчества. Вотъ это-то и причиняло Ему такія тяжкія страданія, что сердце Его готово было разорваться на части. Противъ всего этого было одно спасеніе: что Онъ въ молитвѣ обрѣлъ сознаніе необходимости этого пути страданія; и не только сознаніе виѣшней неизбѣжности (оно не заставитъ отдаться, а только покориться, оно не ведетъ къ побѣдѣ, а только къ отреченію побѣжденнаго), напротивъ того только сознаніе внутренней необходимости,—необходимости божественной любви,—могло помочь Ему въ тяжкіе часы скорби. Это сознаніе и происшедшее отъ него самопожертвованіе и сдѣлало Его побѣжденнымъ,—сознаніе того, что насъ тогда только минуетъ эта чаша, когда Онъ выпьетъ ее, что грѣхъ можетъ только тогда очиститься, когда Онъ искупитъ его и искупитъ подобными испытаніями, что послѣдствія грѣха сдѣлаются посредствомъ Его произвольнаго повиновенія фактами возстановленія.

И Онъ пошелъ на встрѣчу предателя, и Самъ предаль Себя палачамъ своимъ, и предъ высшимъ судомъ Самъ изрекъ признаніе, которое осуждало Его, признаніе своего богочелоуѣчества, а предъ мірскимъ судіей Онъ предпочелъ молчать нежели высказать то, что увеличило бы страхъ послѣдняго и избавило бы Его отъ смерти. Итакъ Онъ сдѣлалъ то, за что Онъ пострадалъ, собственнымъ дѣломъ своимъ, и не смотря на то, что могъ избрать Себѣ радости, Онъ выбралъ крестъ, какъ говоритъ посланіе къ евреямъ (12, 2).

Съ давнихъ поръ остроуміе людей изощрялось въ изобрѣтеніи мученій. Памятникъ этого печальнаго остроумія есть крестъ. Изъ Кареагена онъ перешелъ въ Римъ, изъ Рима въ Палестину. Это было соединеніе самыхъ мучительныхъ страданій. Только рабовъ и грубыхъ преступниковъ

казнили такимъ образомъ. И такъ казнили Святаго Божія, откровеніе божественной любви. Израиль требовалъ казни, рука язычника совершила ее.

Шесть часовъ висѣлъ Онъ на крестѣ и испытывалъ страшныя муки. Какъ бы чернымъ покровомъ,—такъ гласить преданіе,—облекло небо сцену страданія. Никогда намъ не удастся приподнять завѣсу, покрывавшую въ тѣ минуты душевныя страданія Иисуса; но и въ эти страшные часы Онъ весь былъ любовь, любовь молящаяся, всепрощающая, заботящаяся. Онъ молится за враговъ своихъ. Онъ провозглашаетъ разбойнику на крестѣ прощеніе и участіе его въ царствіи небесномъ. Онъ поручаетъ мать свою любимому ученику своему. Онъ до конца—откровеніе любви, и откровеніе любви въ то время, когда Онъ не испыталъ Самъ ея ни отъ людей, ни отъ Бога, потому что и Богъ удалился отъ Него. Но была неразрывная связь, соединявшая Его съ Отцомъ небеснымъ, и даже теперь, когда надъ главою Его собирались какъ бы тучи грозы, Онъ все же былъ сынъ любви, а между тѣмъ ощущеніе души Его не было ощущеніемъ любви, а одиночества; Онъ думалъ, что покинутъ Богомъ. Въ жизни вѣрующихъ это самая ужасная минута, когда Богъ повидимому внутренно удаляется отъ нихъ, и они, считая себя покинутыми, возглашаютъ: я искалъ Того, кого любить душа моя, и не нашелъ Его. То, чего мы находимъ у себя только слабый отголосокъ, выразилось въ Немъ во всей силѣ. Мы не можемъ ни вполнѣ сочувствовать, ни вполнѣ понять, и только догадываться, каково было Его положеніе, судя по возгласу Его страждущаго сердца: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?*

И тоже изображаетъ намъ пророкъ болѣе чѣмъ за 700 лѣтъ до Его страданія, какъ будто бы онъ былъ у креста. Спаситель переносилъ нашу болѣзнь и обременялъ Себя

нашими страданіями. За наше злодѣяніе Онъ былъ раненъ и за нашъ грѣхъ убитъ. Онъ подвергся наказанію, чтобы мы обрѣли спокойствіе, и Его раны излѣчили насъ (Исаиі 53).

Богъ величественнѣе всего въ своемъ униженіи; глубже не могла низойти божественная любовь, какъ погрузившись въ это крайнее послѣдствіе нашего грѣха; это испытаніе она восприняла въ свою внутреннюю божественную жизнь, и Богъ такимъ образомъ усвоилъ Себѣ то, что было наше, чтобы мы могли усвоить себѣ, что принадлежало Ему. Этотъ фактъ любви сдѣлался съ тѣхъ поръ радостью христіанъ, а крестъ—исповѣданіемъ ихъ.

Для древняго міра крестъ былъ знакомъ позора; для насъ онъ составляетъ знакъ радости, утѣшенія, славы.

Нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго нашему естественному разуму, какъ крестъ. Мы можемъ постигнуть Бога величія, мы можемъ понять откровеніе Божіе въ великихъ умахъ человѣческихъ; но что величайшее откровеніе была смерть на крестѣ,—это не совмѣстимо съ мыслями нашими: *іудеемъ соблазнъ, еллинамъ же безуміе*, какъ говоритъ апостолъ (1 Коринѣ. 1, 23). Такъ оно и продолжается. А между тѣмъ проповѣдь о крестѣ побѣдила міръ. Насколько мы выражаемъ противорѣчіе естественнаго разума проповѣди о крестѣ, настолько мы ослабляемъ христіанство и наносимъ ущербъ дѣлу его. Только христіанство креста можетъ быть побѣдой міра. И оно побѣдило. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашли на развалинахъ древнихъ царскихъ дворцовъ изображеніе, представляющее распятаго. Изъ этого времени борьбы заговорилъ къ намъ грубый рисунокъ, памятникъ движенія умовъ. Язычникъ, царскій слуга, издѣвается надъ товарищемъ своимъ христіаниномъ, представляя ему это осмѣянное изображеніе. Оно принадлежитъ ко второму вѣку. Это—древнѣйшее распятіе, какое мы имѣемъ, но оно есть насмѣшка. Іисусъ Христосъ

представленъ въ отвратительной каррикатурѣ, а предъ Нимъ стоитъ молящійся христіанинъ съ слѣдующею надписью: Алексаменъ (Αλεξάμενος),—такъ было имя осмѣянаго,—молится своему Господу. Мы видимъ, что распятый и проповѣдь о Немъ представляли поруганіе всего міра, и все же Онъ побѣдилъ міръ. Въ великой борьбѣ язычества съ христіанствомъ крестъ былъ знакомъ побѣды. Справедливъ разсказъ или нѣтъ, что Константинъ предъ рѣшительной борьбой съ Максентіемъ видѣлъ въ облакахъ небесныхъ крестъ съ слѣдующею надписью: «этимъ знакомъ ты побѣдишь»; но если это и сочиненіе, то все же оно истина. Крестъ былъ силою побѣды, и онъ останется этимъ могуществомъ. Если христіанство побѣдитъ міръ, то только какъ проповѣдь о крестѣ, а не какъ слово естественнаго разума.

Это противно всякой логикѣ, чтобы Богъ унизился до такой степени; чтобы высочайшее откровеніе Его было смерть на крестѣ и позоръ—это противно всякой логикѣ естественнаго разума. Но въ этомъ-то и состоитъ высочайшая логика любви. А любовь превозмогаетъ логику простаго смысла, потому что въ ней заключается высшая логика истины.

Удивительный парадоксъ! Знакъ величайшаго позора сдѣлался знакомъ господства и утѣшенія. На вершинѣ земли красуется крестъ, между людьми онъ служитъ знакомъ почестей и прекраснѣйшимъ украшеніемъ. Для христіанъ онъ служитъ мѣстомъ, въ которомъ соединяются ихъ мысли и встрѣчаются сердца. Если мы хотимъ истинно понять Бога, то должны понимать Его съ точки зрѣнія креста, потому что здѣсь святость и любовь Божія соединяются въ одно. И если мы ищемъ общности съ Богомъ, то должны искать ея на крестѣ, потому что здѣсь мы видимъ судъ надъ грѣхомъ, отдѣляющимъ насъ отъ Бога, и тутъ же откровеніе любви,

соединяющее насъ съ Нимъ. А потому пока будутъ христіане на землѣ, т. е. до послѣдняго дня нашего существованія, исповѣданіе ихъ будетъ состоять въ слѣдующихъ словахъ: «на крестѣ моя любовь». Но теперь Онъ на престолѣ величія. Объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ.

(Продолженіе будетъ).

